

ИЗГНАНИЕ БЕСОВ. К 130-ЛЕТИЮ СО ДНЯ КОНЧИНЫ ФЕДОРА МИХАЙЛОВИЧА ДОСТОЕВСКОГО

Интервью священника Георгия Кочеткова

— О Достоевском принято (даже общепринято) говорить как о пророке. Но о сути этого пророчества есть разные мнения. Кто-то считает, что оно только о русской катастрофе, кто-то относит его к судьбам мира, к последним вещам. А что думаете Вы?

— Это замечательно, что Достоевского признают в качестве пророка. Слава Богу, что в нём видят пророческий дар, причем дар персонализированный, который так редко являет себя в последние века в церкви. Ведь если в церкви есть Святой Дух, Дух пророческий, значит, потенция пророчества в ней есть всегда. Беда лишь в том, что персонализация этого дара крайне затруднена. Из-за ложно понятого смирения и часто отсутствия дерзновения, смелости, свободы люди не берут на себя это служение, хотя оно является одним из высших служений после апостольского. Да, конечно, был дар пророческий и у Пушкина, что-то было у Лермонтова, но, безусловно, этот дар был и у Достоевского.

Бог даёт человеку пророческий дар, и «духи пророческие послушны пророкам», как говорит нам Писание. Именно так было у Достоевского. Он преодолевал все свои немощи, болезни, в том числе душевные, для того чтобы прозреть последнюю глубину вещей. Он был не просто гениальным писателем — он был гениальным мыслителем, действительно человеком пророческого духа.

Пророк не только возвещает волю Божью, не только говорит о правде и справедливости (хотя это неизбежно, и без этого невозможно представить себе пророка). Но новозаветный пророк — это всегда ещё и провозвестник любви, единства во Христе, грядущего Небесного Царства и откровения Христовой благодати. Именно это было свойственно Достоевскому. Все образы блаженных, старцев, каких-то праведников, праведниц, иногда юродивых или архиереев «на покое» переполнены у Достоевского пророческими видениями, откровениями, какими-то живыми парадоксальными истинами, которыми как раз и пользуется пророк, когда хочет выразить своё провозвестие на понятном людям языке.

Пророчества не могут рассматриваться только по «суть», они должны рассматриваться по своему главному качеству — по духу, по плодам и по своей направленности. Дар пророчества, когда он персонализируется в конкретном человеке, всегда обладает совершенно уникальной конфигурацией и не может «по сути» относиться лишь к чему-то одному. Поэтому нельзя противопоставлять одну сторону этого дара — глубокое и небывалое откровение о русском холокосте, как современном Достоевскому, так и грядущем, — другой стороне, относящейся к судьбам мира и к последним, эсхатологическим вещам. Наверное, у него было и то, и другое, а может быть, и ещё что-то...

Достоевский обладал удивительным свойством вселенской отзывчивости. Он приписывал это свойство всему русскому народу, хотя это было, увы, не совсем правильно. Это свойство действительно есть в русском народе, но, к сожалению, в нём есть и совсем другие, иногда прямо обратные качества. И самого Достоевского тоже иногда поражал дух какой-то узости — то национальной, то исторической, то культурной. Однако он старался понять Пушкина, понять эпоху, старался понять то, что Бог говорит ему или через него современникам. Не случайно его самое глубокое целостное пророческое большое произведение — это «Легенда о великом инквизиторе», всем

«Бесы». Спектакль московского театра «Современник» в постановке Анджелы Вайды

известный текст, который объясняет в пророческих образах, почему Христос перестаёт быть нужным людям, даже церкви. Он никому не нужен, никем не востребован, более того, Он должен уйти, а вместе с Ним должна уйти благодать и помощь Божья. Люди остаются сами с собою, со своими бедами, они остаются у мрачной бездны на краю и уже теряют последние шансы выжить.

Такой характер пророчеств Достоевского, конечно, отталкивал от него множество людей. Люди не понимали его. Они думали, что это сплошная психология, причём большая, мрачная, тёмная, никчёмная, подавляющая психику. Достоевским пугали детей вплоть до середины XX века. Его не хотели слышать, не хотели прочитать так, как следует. И только ужасы обстоятельств советского времени и русской эмиграции позволили по-новому посмотреть на Достоевского. Конечно, и прежде были исключения: были такие люди, как Бердяев, для которого Достоевский был ключевой фигурой всего XIX века, всей духовно-мистической традиции этой уникальной по своей духовной значимости эпохи. Бердяев был необыкновенно чуток ко всем пророческим дарам. Он видел этот дар у Пушкина, он понимал, что было от этого дара в славянофильстве, у Хомякова, но больше всего он откликнулся на великое слово Достоевского. Он как никто понял актуальность его слов и их духовно-антропологическую значимость. Так что уложить в какие-то рамки дар Достоевского — пророческий дар — просто невозможно, охарактеризовать его каким-то одним образом, тем более в противовес всему остальному, нельзя. Нельзя отрывать русскую судьбу от последних судеб всего мира.

— Можно ли назвать произведения Достоевского христианским свидетельством? Ведь они очень мучительные, а свидетельство ожидается обычно в форме чего-то светлого, гармонично-целостного, «пушкинского»...

— Христианское свидетельство всегда мучительно, другим оно не бывает. Вспомним слова бесов, обращённые ко Христу: «Ты пришёл мучить нас», — говорят они Ему. И так оно и было. Бесы, как и все тёмные мирские стихии, мучились от слова Христова, ведь им надлежало отходить в бездну, уходить туда, откуда они пришли. Невозможно ожидать христианского свидетельства в форме просто чего-то гармонично-целостного, светлого и почему-то «пушкинского».

в нём скрывалось) вырвалось наружу в XX веке. Означает ли это, что антропологический тип «дрейфует», меняется в истории? Или же это был просто временный «морок», охвативший человечество на полтора столетия, а в скором времени всё вернётся к некоторой норме?

— Да, Достоевский действительно зафиксировал случившийся в современном человеке переворот. Он один из первооткрывателей бесовского «подполья» в человеке, того тёмного «подвала», в котором коренится подсознание. В науке XX века это уже потом эксплуатировали многие психологи, начиная с Фрейда и Юнга. Но впервые об этой раздвоенности, о том, что человек на своей светлой поверхности и человек в своей тёмной глубине — это совсем не одно и то же, всерьёз и в новое время по-новому заговорил именно Достоевский. Не то чтобы прежде этого «подполья» не знали святые отцы — тонкие психологи и духовидцы. Они что-то о нём знали, и Достоевский что-то знал, отчасти от них же, отчасти по собственному дару откровения. Но когда он показал его в своих произведениях, это означало конец ренессансного и просвещенческого представления о человеке как о гармоническом существе.

Конечно же, вообще наступала новая эпоха. Но это «подполье» стало себя ярко выказывать именно в XX веке потому, что слишком много тёмных сил сразу вышло наружу, слишком много бесов разгулялось. Оно уже не могло более прятаться и рядиться в другие одежды. Это «подполье» стало показывать себя таким, каково оно на самом деле есть, и это устрасило людей. Они не ожидали увидеть в себе эти вещи. Люди оказались слишком слабыми для того, чтобы посмотреть правде в глаза, для того, чтобы увидеть ту неправду, которая в них самих скрывается, даже тогда, когда они считают себя по традиции или по инерции верующими. У людей оказалось слишком мало запаса внутренней энергии для того, чтобы противостоять твёрдой верой сатанинским, дьявольским искушениям. А как можно укреплять свою веру, люди уже забыли. Им-то всё ещё казалось, что они её впитывают с молоком матери. Но выяснилось, что это не так.

Антропологический тип, и правда, «дрейфует» и меняется в истории, но не настолько, чтобы совсем измениться. «Тёмное подполье» теперь уже всем хорошо известно, но и сейчас его часто эксплуатируют, прежде всего, в масс-медиа — в Интернете, на телевидении, в современной так называемой литературе, которая сплошь представляет собой лишь обманку, стилизацию. Думаю, что литературы в традиционном смысле этого слова сейчас практически не существует, она вместе со всеми изящными искусствами уже давно — где-то в середине XX века — фактически прекратила своё существование. Изредка что-то из этого дотягивало до второй половины XX века, какие-то отдельные фигуры тогда ещё были, но к нашему времени, конечно, всё это прервалось. Нет, и уже не будет никакой литературы, никаких изящных искусств, не будет никакого откровения «ренессансного» человека для нашего времени до тех пор, пока мы заново не обретём свой внутренний мир, внутренний покой, пока не обретём ту норму, которую именно в нас заложил Господь. А так как люди прилагают слишком мало усилий для обретения этой нормы, то им трудно на что-то надеяться. И об этом людям нужно говорить,

— Многие, например, Бердяев, Вяч. Иванов, Камю, считали, что Достоевский зафиксировал «переворот», случившийся в современном человеке. Он открыл в человеке «подполье», которого прежде как будто бы не было. Он обозначил конец прежнего (может быть, ренессансного, просвещенческого) представления о человеке как об органическом, гармоничном существе. И это «подполье» (точнее, то, что

Кадр из фильма «Идиот». В роли князя Мышкина — Юрий Яковлев

Окончание. Начало на с. 1

несмотря на то, что это их травмирует и что они с радостью ушли бы от познания самих себя и своей внутренней реальности, что они с удовольствием надели бы любую маску, лишь бы не смотреть реальности в глаза, лишь бы не познать жизнь такой, какой она в наше время является «с точки зрения вечности».

В откровении этой правды и сыграл свою роль прежде всего Достоевский, как и Бердяев, и, к слову говоря, другие названные Вами авторы — и Вячеслав Иванов, и даже Камю, хотя он, конечно, уже давно ушёл куда-то в прошлое (отчасти, к сожалению, это можно сказать и об Иванове). А вот Бердяев, как и Достоевский, ещё долго будут актуальны. Их будут читать, и, может быть, всё больше и больше, потому что в том, что и как они говорили, у людей есть огромная потребность. Я много раз в жизни видел, как преображаются люди, которые только дотрагиваются всерьёз до глубинных произведений Достоевского или Бердяева...

Роль Достоевского, как и Бердяева и других людей пророческого духа в их эпо-

ИЗГНАНИЕ БЕСОВ

ху, прежде всего в том, что они углубили наше представление о человеке, что они вновь открыли или даже вновь создали христианскую антропологию, что при этом они постарались прорваться через все покровы, в том числе культурные, и через все обстоятельства, через все политические и социальные завесы. Они сказали именно то слово, которое может — хотя и проводя человека через определённые мучения, страдания, через тяжёлые внутренние переживания — исцелять современного человека от бесов, от порабощения его злом и страхом, от порабощения его всеми теми обстоятельствами, на которые так любят ссылаться современные люди, в каком бы образе эти обстоятельства ни являлись, — будь то здоровье, или природа, или погода, или материальное положение, или что бы то ни было вообще внешнее.

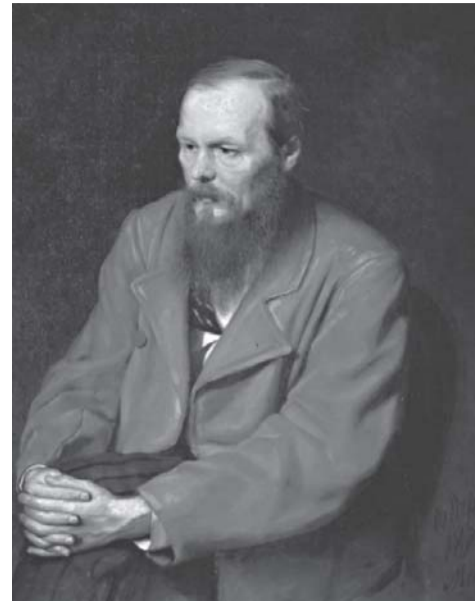
— Как Вам кажется, что главное в образе церкви у Достоевского? Можно ли его назвать самым церковным из великих русских писателей XIX века?

— Достоевский, несомненно, видел, что церковь, которую он любил, которую признавал лучшей из известных ему церквей, находится в параличе. Он был искренне православным человеком, но он понимал, что только бюрократическая или только иерархическая церковь несёт в себе много опасностей. «Легенда о великом инквизиторе» — это не легенда об одних лишь католиках. И не случайно церковные герои Достоевского — это в первую очередь юродивые, старцы, т.е. люди неординарные и не принадлежащие церковной системе, обиходу, обыденщины или, как говорил Н.Н. Неплюев, церковной рутине — приходской, епархиальной или монастырской. Его тянет к монастырям, но для того, чтобы встретиться там не с обычными монахами, а со старцами — с теми, кого обычные монахи не любят, преследуют, гонят, прижимают. Он прекрасно понимал, что в церкви есть и ферапонтовщина, он видел, что церковь часто не выполняет свои функ-

ции, что она не похожа на самоё себя в своих проявлениях — как в маленьких людях, так и в людях высшего эшелона церковной власти.

Да, конечно, он церковный человек. Но я бы не называл его «самым церковным» из великих русских писателей XIX или даже XX века. Не менее церковным человеком был, например, тот же Пушкин. Пророк церквей уже потому, что его дар не может существовать только для него самого: он посылаётся в первую очередь во двор храма, к церковным людям. И поэтому все те, кто обладает пророческим даром, всегда соотносены со всеми духовными реальностями своей эпохи, своего времени, своего народа, своей страны и своей культуры. Поэтому их произведения столь всеобъемлющи, столь интегральны. Это можно сказать и о позднем Пушкине, это можно сказать и о Достоевском, это можно сказать и о Бердяеве. Это действительно люди всемирной отзывчивости, ведь это и есть свойство пророка — отзываться на всё живое и на всё не живое, но притворяющееся живым. Это, может быть, и свойство каждого подлинного гения, иначе он или не гений, или гений нераскрывшийся, погибший в зародыше.

Конечно, такая церковность для многих непривычна. Поэтому Достоевского недолюбливали даже реальные святые старцы. Таких людей, как он, всегда будут обвинять в гордыне или в какой-то церковной неблагонадёжности, всегда будут подозревать, что на них слишком влияют заблуждения их молодости или их окружения. Это неизбежно, потому что пророческий тип Достоевского — это не образ монастырского старца, пусть даже настоящего, какими, например, были оптинские старцы. Так что Достоевский в каком-то смысле открывает нам церковь в её глубине по-новому, так же, как это делал Бердяев. Кто-то принимает это, кто-то не принимает, кто-то может увидеть в таких людях, как Достоевский, даже врага церкви, потому что может подумать, что он разрушает её устои, её размеренный, спокойный быт

Портрет Ф.М. Достоевского работы В. Перова. 1872 г.

и ритм жизни.

Однако Достоевский был послан нам свыше. Он был гением вопреки своей болезни, а не благодаря ей. Он действительно человек, произведения которого никогда не устареют, несмотря на то, что наша внешняя жизнь и быт изменились до неузнаваемости. Та Россия, которая описана в романах Достоевского, уже давно не существует. Читать его трудно. Впрочем, то же относится и к Пушкину, и ко всей дореволюционной России. Даже «Евгения Онегина» читать трудно, потому что там тоже изображена Россия, которой давно нет. Правильно понять Пушкина в «Евгении Онегине» уже многим не дано. И тем не менее, то, что есть во всех этих вещах от гениальности, от пророчества, никогда не устареет, как не устаревают послания апостола Павла или апостола Иоанна, да и любые другие апостольские послания, как не устаревают Евангелия и даже в какой-то степени, в меру своего завета, ветхозаветные книги. Всё это для нас остаётся живым, звучит и будет звучать.

Вопросы задавали Максим Дементьев, Александра Колымагина, Анастасия Наконечная

О РАДОСТИ, ВЕСЕЛЬЕ И НЕТРИВИАЛЬНЫХ РЕШЕНИЯХ

О чем говорит нам сегодня творчество Лескова

На вопросы «Кифы» отвечает профессор СФПИ, катехизатор А.М. Копировский

— Какие произведения Лескова Ваши самые любимые и почему?

— Их у меня два: «Соборяне» и «Однотум». Мне кажется, в них больше всего подлинного христианства — не романтического, а того, на которое сердце отзывается как на реальность, как бы всё это ни было оформлено чисто художественно.

В «Соборянах» дело даже не в отдельных личностях, таких как отец Савелий или дьякон Ахилла, а в том, что все они вместе составляют какое-то единство, которое Лесков называет «Старгородской поповкой». Они взаимодействуют, и создается некоторое поле, очень чистое, живое, яркое.

Что касается Однотума, который Библию так прочел, что «до Христа дочитался» — для мира сего это символ сумасшествия. А на самом деле это реальность жизни. Для меня Однотум — не просто остроумная сказка на христианском материале, а уверенность в том, что так можно жить, нужно жить. Есть ощущение свободы и в том и в другом произведении.

А еще я люблю и «Мелочи архиерейской жизни». Они меня очень вдохновляли в советское время. В них речь идёт о том, что в церкви не одни аскетические подвиги или, наоборот, не только тупики и человеческие страсти. А есть по-хорошему смешные вещи и возможности нетривиально решить любую проблему.

— Не раз приходилось слышать, как Вы в качестве катехизатора на оглашении по-

Памятник героям «Соборян» — протопопу Савелию Туберовову, отцу Захарии и дьякону Ахилле. Часть композиции памятника Н. Лескову в Орле

минаете Лескова. Почему? Потому что он именно огластительных вещей искал, видел их недостаток (здесь можно вспомнить его известные слова «Русь была крепка, но не просвещена», постоянное упоминание необходимости читать Писание, жизнь соотносить с верой)?

— То, о чем Вы сейчас говорите, нужно скорее для катехизаторов — чтобы

как-то вдохновиться и немного расширить кругозор.

А на оглашении я его упоминал, прежде всего, как пример хорошего «соединительного мостика» от строгой аскетической жизни к той жизни, которой живет обычный человек, приходящий сейчас в церковь. Нельзя мгновенно шелкнуть переключателем: вот, ты был светским, а теперь стал церковным, без всякого перехода. О. Георгий часто говорит, что нужно разрушить средостение между светским и духовным. Это ведь не значит, что духовное должно раствориться в светском, угождать духу мира сего. Ровно наоборот. Важно, чтобы современный человек избежал опасности лицемерия, когда он в церкви весь такой постный, благостный и т.д., а в мире сем такой же, как был. Собственно отчасти из-за этого, как мне кажется, случилась катастрофа 1917 года. Из-за того, что жизнь раздвоилась.

— А радости и веселья не оказалось ни в той, ни в другой половине...

— Совершенно верно. Жизнь должна быть наполнена церковностью, но не в смысле категорического противопоставления тому, как живут обычные люди, а именно в смысле наполнения изнутри. И мне кажется, что Лесков очень способствует этому процессу.

— Как Вы думаете, почему под конец у Лескова руки опустились и поздние его вещи гораздо более унылы, чем ранние, даже как-то безысходны, порой несправедливы?

— Здесь я могу только предполагать. Например, вспомнить то, что писал в одной эпиграмме (ненапечатанной) Достоевский, который творчества Лескова,

Портрет Н. Лескова работы И. Репина

за редкими исключениями, не любил: описывать все сплошь одних попов По-моему, и скучно, и не в моде...

Я думаю, что в какой-то мере тема перешла в стилизацию, и когда Лесков это почувствовал, у него начался духовный кризис. Ведь он сам за своими героями не последовал. Да и слишком благоговейное отношение к Л.Н. Толстому могло сказаться...

Но, все же, о писателе судят по тому, что у него есть, а не по тому, чем он закончил. Это уж вопрос Страшного суда, а не нашего. Я бы, конечно, не стал предлагать Лескова как одну из основ духовной жизни. Но это прекрасное дополнение к ней. Надо знать меру всему и не забывать многие его вещи, за которые мы всегда можем быть ему благодарны.

Вопросы задавали Александра Колымагина и Анастасия Наконечная